

УДК 811:37.02

ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА “ЮРОДСТВО” КАК САМОБЫТНОГО ФЕНОМЕНА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. В. Маслий

В статье представлены варианты бытования юродивого в обзоре многовековой исторической и культурной жизни России. Их многообразие парадигматически выявляет ценностную составляющую концепта и, тем самым, подтверждает значимость юродства как феноменального свойства русской культуры.

Ключевые слова: концепт, ценностная составляющая концепта, юродство, юродивый, русская культура.

Изучение концептов — актуальная область современной лингвистики. Теория и разностороннее описание концептов представлено в трудах С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачева, В. В. Колесова, Ю. С. Степанова, Кубряковой Е. С., Т. В. Булыниной, А. Д. Шмелева, В. И. Карасика, Масловой В. А. и др. Предлагаемая статья находится в контексте антропологических исследований языка и представляет ценностный аспект исследования концепта “юрродство”, значимого для русской культуры, но практически оставшегося вне поля лингвистических исследований. Под концептом мы понимаем многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны [4, с. 109]. Концептуальная природа феномена юродства обосновывается его ценностной составляющей, которая в современной литературе признается одним из оснований для присвоения явлению статуса концепта [4, с. 129]. Задача работы — реконструкция исторического и культурного материала, связанного с феноменом юродства; цель — доказательство важности и исключительности концепта “юрродство” в пространстве русской культуры.

Известно, что языковое пространство является частью пространства культурного. При этом язык — необходимое условие порождения и развития культуры и, одновременно, средство ее формирования и существования. Такая взаимообусловленность является предпосылкой для изучения исторического и культурного материала как генетической основы любого концепта.

М. Эпштейн, осмысляющий типологию русской культуры, утверждает, что одной из ее отличительных особенностей является апофатизм, который, в его интерпретации, предстает как “отрицательная теология и отрицательная эстетика, когда высший идеал может быть преподнесен только в отрицательной форме, как отступление от него или недостижение”. В этом контексте приобретает особую значимость юродство как таковое и то, что именно юродивый выступает “центральной фигурой русской святости”. Как отмечает философ, “грязь, косноязычие, непотребные слова, безобразное поведение и внешность” юродивого “служат “подобающим несоответствием” божественным вещам” [10].

Феномен юродства органически предопределен также национально-специфическими свойствами русской души, своеобразие которой, по мнению исследователей, проявляется в склонности к крайностям, морализаторству, эмоциональности, предельности, максимализму, пороговости, ощущению непредсказуемости жизни и недостаточности логического и рационального подхода к ней [1, с. 481; 2, с. 33 – 34]. Все это обусловило, видимо, те облики святости, которые были поняты и приняты в Древней Руси. В. Н. Топоров указывает: "...на Руси святость легче и проще и уж, конечно, чаще достигалась на путях мученичества, страсотерпчества, аскезы в ее крайних формах, отшельничества, мистицизма, юродства и т. п., чем труженичества — постоянного, последовательного, целенаправленного, просвещаемого и освящаемого логосными смыслами" [7, с. 606].

Юродство — сложное, парадоксальное явление религиозной жизни Древней Руси, "сверхзаконный", не предусмотренный иноческими уставами подвиг Христианского благочестия. Заимствованные из Византии вместе с христианством разнообразные виды подвижничества, среди которых и юродство, попали на Руси на благодатную почву, о чем свидетельствуют данные энциклопедии "Христианство": "Ни одна страна не может представить такого обилия Ю. и примеров такого необыкновенного уважения к ним, как древняя Русь. В продолжение лишь 3 веков (XIV – XVI) на Руси насчитывается не менее 10 Ю. святых, тогда как в общем месяцеслове православной церкви в течение 5 веков (VI – X) не более 4 Ю. святых, принадлежащих различным странам" [9, с. 287]. А. М. Панченко, автор фундаментальной работы о русском юродстве, отмечает, что к XIV – началу XVII столетия "юрродство стало русским национальным явлением" [5, с. 73].

Церковный раскол конца XVII века способствовал некоторой ассимиляции юродства старообрядческой церковью, которая взяла на себя функцию обличения. Однако существенные изменения статуса блаженных связаны, как известно, с реформами Петра I, который "объявил всех юродивых своего времени притворно беснующимися" [5, с. 152]. Россия XVIII века знала имена только 4-х известных блаженных. XIX же век называют ренессансом русского юродства, отмеченным прежде всего потоком светской и церковной литературы, что свидетельствует о возрастающем или скорее неутрачиваемом интересе к юродивым. О них писали А. С. Пушкин, О. М. Сомов, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. И. Герцен, И. А. Бунин; публицисты, историки, психиатры, этнографы; не обходили вниманием административные органы, полиция, губернские управления. В свою очередь интенсивное развитие психиатрии способствовало внедрению в общественное сознание нового понятия "нормы", что со временем приводит и к появлению "ненормальных" (первое словарное употребление слова "нормальный" в значении "психически здоровый человек" относится к концу XVIII – началу XIX века [11]). В жизни общества начинает доминировать научно-позитивный тип производства истины, что становится переломным моментом в истории русского юродства. В статье "Юродивые и умалишенные: генеалогия инкарцерации в России" Л. Янгулова отмечает: "Борьба двух типов производства знания закончилась поражением старой системы. Чтобы новая

истина восторжествовала, старая должна замолчать, исчезнуть... практическая система (власти, знания и этики) нового времени сместила значение юродства от высшего христианского подвига к образу шутовского поведения и психической болезни" [11]. Тем не менее, Г. Федотов пишет о популярности юродства в России до начала XX века [8, с. 257]. Следующий исторический этап искоренения этой специфической формы русской святости приходится на эпоху глобального религиозного кризиса в России, связанного с революциями 20 века и приходом к власти большевиков. Не нуждается в комментариях тот факт, что идеологическая борьба со всем христианским, разрушенные храмы привели к мощной секуляризации народного сознания и постепенной утрате понимания символического языка, посредством которого происходило общение юродивого с народом. Несмотря на упоминания в течение всего XX столетия об отдельных блаженных, можно говорить о том, что этот религиозный феномен становится приметой исторического прошлого России. Вместе с тем юродство превращается из религиозного явления в явление духовной культуры, определяющее ее национальное своеобразие, чем утверждается непреходящая ценность "юродской составляющей" для русской культуры в целом. Обрисуем пунктирно этот путь.

Впервые традиционный тип блаженного был воплощен в древнерусской житийной литературе. По-видимому, он оказал значительное влияние на образ сказочного дурака, факт сравнительно позднего проникновения которого в волшебную-фантастическую сказку делает наше предположение более вероятным. Внешность сказочного героя; его "прикровенная" мудрость; парадоксальность его поведения, коренящаяся в противоположности между подлинной, т. е. магической мудростью и житейским здравым смыслом; "особенно близкая, даже родственная связь Иванушки с чудесными силами"; насмешки, издевательства, презрение и побои, переносимые им; дерзкое, непочтительное отношение к царям и вельможам; скрывание истинного лица героя — мотив "низкого героя", тайно совершающего подвиги, который сказочная логика, в отличие от житийной, никак не объясняет; эстетика низкого, царящая в сказке, — вот те ключевые моменты, которые сближают сказочного дурака и житийного юродивого. Т. о, можно говорить, что опосредованно через сказочные тексты, в частности, образ юродивого и модель юродского поведения входит в пространство современной культуры.

В русской классической литературе XIX века создаются образы блаженных, которых еще можно наблюдать в жизни (например, юродивые из "Бориса Годунова" А. Пушкина, "Детства" Л. Толстого, "Доктора Крупова" А. Герцена), или героев, неповторимость которых предопределяет мотив неявного юродства ("Шинель" Н. Гоголя, "Идиот" Ф. Достоевского). Затем образ блаженного в пространстве культуры трансформируется в своего, условно говоря, модернистского двойника, представляющего как бы новую ипостась классического юродивого. Наиболее показательной здесь становится эпоха рубежа XIX – XX столетий, когда многие авторы (А. Белый, В. Розанов, А. Ремизов, В. Хлебников, М. Волошин, Д. Хармс и др.) в бытовом поведении и, главное, в создании текста демонстрировали черты, наводящие на мысль о юродствовании. Ярким подтверждением этой тенденции является

ся сравнение поэта как такового с юродивым в статье В. Ходасевича "О Сирине", выход работ в творчестве М. Волошина и А. Ремизова. Тем самым в одном культурном пространстве сосуществуют представления о юродствующих и юродивых, наиболее яркие образы которых появляются в это время в художественном мире А. Платонова. Литературное наследие Ивана Грозного, творящего под псевдонимом Парфений Уродивый, демонстрирует, что явление литературного юродства не ново, однако в прошлом оно представляло скорее исключение из правил: "Для юродивого, пребывающего в подвиге, писательство исключено", "ибо юродство — это уход из культуры" [5, с. 76 – 77]. Юродствование как прием, воплощенный в художественной или частной жизни, наоборот пребывает в пространстве культуры. Это своего рода роль, маска, надеваемая в быту или в творчестве, постоянно или время от времени (потенциальная возможность выбора — главная черта, отличающая юродствование от юродства).

Новый всплеск активности "бытования образа" связан, безусловно, с постмодернизмом, развивающим традиции апофатической эстетики, в художественной системе которого просматриваются очевидные черты юродского поведения. Не случайно крайняя точка зрения Т. Горичевой, которая утверждает, что "постмодернистское искусство являет нам современную форму святости — юродства" [3]. При всех частностях рассматриваемым системам присущи общие черты: разрушение существующих социальных, земных иерархий; игровая деиерархизация культурного пространства, сопряженного с эстетикой безобразного; полемическая заостренность против общепринятых норм поведения; гротесковость героев; провокативность и агрессивность их поведения; пародирование и игровая амбивалентность; процесс постоянной перекодировки, переключения с одного культурного языка на другой: от низкого — к высокому, от святого — к профанному, грешному, от давно-известного — к откровению, новому, свежему взгляду на известное. Если обычная святость оставляет общество равнодушным, то агрессивный и провокационный характер юродского поведения взламывает это равнодушие. Поэтому общим для сопоставляемых систем является природа провокативного поведения, которое может быть охарактеризовано как акмеологическое, т. е. ценностно-созидающее (в противоположность конфликтологическому).

Современная культурная парадигма включает различные варианты и вариации образа юродивого, в которых утрачивается декларативное "Христа ради", уходящее в подтекст или превращающееся в: "свободы ради", "ради сохранения человека, человечности в себе в объюродившем мире". Такой модус юродства являют, например, В. Ерофеев в поэме "Москва-Петушки", Б. Евсеев в повести "Юрод", В. Пьецух в рассказе "Бич Божий" и др. Целеполагание "ради любви к человечеству, зашедшему в тупик", представленному, например, А. Тарковским в "Жертвоприношении", можно считать эвфемизмом утерянного "Христа ради". Утрата высокой цели, "юродствование ради юродствования", ради игры в творчестве постмодернистских авторов представляет, несмотря на омонимичность названия, совсем иное, "фиглярствующее", "паясничавшее" поведение и не имеет при этом религиозных аллюзий.

Современное массовое (бытовое) сознание, не просвещенное исторической и культурной памятью, акцентирует в “юродивом” в большей степени значение “сумасшедшего, безумного”, что подтверждают данные проведенного нами опроса. Второе значение, бывшее когда-то главным, отмечается не всеми респондентами, а если и упоминается, то в большинстве случаев определяется не столько знанием реалии, сколько интуицией. Подобная ситуация не случайна. Как известно, ценностная семантика является культурно обусловленной, а, по словам Ю. С. Степанова, “при реализации ценностных смыслов явно или неявно осуществляется отсылка к культурному контексту, с которым устанавливаются более или менее эксплицитные диалогические отношения” [6]. Поэтому в контексте исчезновения живого переживания юродства Христа ради лишь носители культурного сознания актуализируют в своем словоупотреблении феноменальность концепта “юродивый Христа ради” и его современную интерпретацию. Показательно, что в пространстве Интернета пребывает обширный массив текстов разного достоинства и жанровой принадлежности о юродивых и юродстве. Это может служить дополнительным свидетельством того, что из явления общенародной культуры юродство превратилось в культурный артефакт, востребованный отдельными социальными группами.

Таким образом, многовековое бытование юродивого в самом общем обзоре исторической и культурной жизни России предстает в вариантах реального исторического персонажа, персонажа житийной литературы, одного из возможных прототипов героя русских народных сказок о дураках, произведений русской классической литературы, модернистских и постмодернистских текстов, а также в феномене бытового и игрового, провокативного поведения отдельных личностей, как правило, имеющих то или иное отношение к культуре (писателей, композиторов и т. п.) или политике. Многообразие этих вариантов парадигматически выявляет ценностную составляющую концепта и, тем самым, подтверждает значимость юродства как феноменального свойства русской культуры. Изучение современной семантики слова “юродство” и особенностей его употребления в различных дискурсах — задача следующего этапа нашего исследования.

Список литературы

1. Булынина Т. В., Шмелев А. Д. Лексический состав русского языка как отражение “русской души” // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М., 1997.
2. Вежицкая А. Русский язык // Язык. Культура. Познание. М., “Русские словари”, 1996.
3. Горичева Т. Цит. по: http://anthropology.ru/ru/texts/malenk/secular_13.html
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., Гнозис, 2004.
5. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. — Л., 1984.
6. Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика: Антология. М., Екатеринбург, 2001.
7. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1. Первый век христианства на Руси — М.: “Гнозис”, 1995.
8. Фёдоров Г. Святые Древней Руси. СПб., 1999.
9. Христианство. Энциклопедический словарь. — Т 3. Т-Я. — М., 1995.
10. Эшштейн М. Русская культура на распутье, гл. 8 Апофатизм — <http://www.emory.edu/INTELNET/cr8.html>

11. Янгулова Л. Юродивые и умалишенные: генеалогия инкарцерации в России. — www.ecsocman.edu.ru/db/msgmu/134062.html–38к.

Маслій О. В. Ціннісна складова концепту "юродство" як самобутнього феномену російської культури.

У статті представлені варіанти буття юродивого в огляді багатівікового історичного і культурного життя Росії. Їхнє різноманіття парадигматично виявляє ціннісну домінують концепту і, тим самим, підтверджує значимість юродства як феноменальної властивості російської культури.

Ключові слова: концепт, ціннісна складова концепту, юродство, юродивий, російська культура.

Masliy E. V. Value constituent the phenomenon of "yurodivity" as original characteristic of the Russian culture.

The review of both historical and cultural material connected with the phenomenon of "yurodivity" is presented in the article. The diversity of versions where "yurodivy" is shown, paradigmatically reveals the value constituent of the concept and thus confirms the significance of "yurodivity" as phenomenal characteristic of the Russian culture.

Key words: concept, value constituent of the concept, yurodivity, yurodivy, Russian culture.

Статья поступила в редакцию 19 октября 2006 г.